

ГЛАВА 3. НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО П. В. НИКИТИНА

В русских научных кругах Никитин имел репутацию одного из глубочайших знатоков греческого языка и литературы в самых широких пределах, начиная от древних диалектов и кончая языком поздних византийцев. С. А. Жебелев справедливо отметил, что «все ученые труды П. В., от первой работы до последней, от короткой заметки до обширного исследования, отличаются одним общим характером, придающим им непререкаемую и непреходящую ценность: они основаны на самом тщательном, добросовестном, иногда педантичном изучении подлежащего исследованию материала, глубоко продуманы, просто, но вместе с тем изящно, без всякой вычурности, изложены»¹.

Список работ Никитина не отличается пестротой, и его общий объем невелик². Одну из причин этого факта метко подметил Ростовцев: «Петр Васильевич в жизни своей написал немного. Не потому, чтобы мало работал, или работал урывками. Он весь жил в науке, а научный труд его был необычайно постоянен и интенсивен. Писал Петр Васильевич мало потому, что был необычайно строг к себе, требовал от себя возможного совершенства научной обработки материала. Это свойство его научной работы, все обострявшееся с годами, делает все его книги и статьи образчиками строго продуманных и тщательно обработанных филологических и историко-литературных изысканий»³.

Работы Никитина посвящены главным образом греческой и византийской филологии и в значительной своей части основаны на новом, только что открытом материале. «Именно последние годы, — писал Никитин в 1891 г., — богаты неожиданными крупными находками в области древней греческой письменности: как будто кто-то спешит представить самые наглядные доказательства того, что классическая филология еще на что-нибудь нужна, что хоронить ее еще рано»⁴.

Первая печатная работа Никитина, «О древне-кипрском диалекте»⁵, посвящена греческой диалектологии, а именно исследованию особенностей языка кипрской силлабической надписи из древнего Идалиона, одной

¹ Жебелев С. А. П. В. Никитин (некролог) // ЖМНП. Нов. сер. 1916. Ч. 44. Август. С. 49.

² Список трудов П. В. Никитина см. на с. 448–451.

³ Ростовцев М. И. Памяти Петра Васильевича Никитина // Речь. 1916. 7 мая (№ 124). С. 3.

⁴ Никитин П. В. Отзыв о диссертации В. К. Эрнштедта // Протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за весеннее полугодие 1891 г. СПб., 1892. № 44. С. 75.

⁵ Никитин П. В. О древне-кипрском диалекте // ЖМНП. СПб., 1875. Ч. 179. С. 69–106.

из блестящих находок середины XIX в. Эта большая надпись, вырезанная на бронзовой плите, относилась к 386–385 г. до н. э. и содержала почетный декрет в честь врача Онасила и его братьев. Благодаря своей хорошей сохранности и значительным размерам она давала возможность составить более обстоятельное представление о кипрском диалекте, чем прежние находки.

Проблема языка таинственных знаков кипрской надписи привлекла внимание таких ученых, как М. Шмидт⁶, В. Декке и Ю. Сигизмунд, которые дали первый опыт обзора фонетических особенностей и грамматических форм кипрского диалекта. П. В. Никитин в своей статье самостоятельно разработал материал, представляемый надписями, и пополнил собрание фактов, данное его предшественниками. Коснувшись в своем рассуждении алфавита кипрских силлабических надписей, он пришел к заключению, что «древне-кипрский диалект потерял много общегреческих звуков и, однако, сами же силлабические надписи доказывают, что он вовсе не был беднее других диалектов формами, что для его форм всегда почти можно найти аналогию в других диалектах, и, наконец, что некоторые общегреческие формы сохранены в древне-кипрском диалекте с большей верностью, чем в какой бы то ни было другой отрасли греческого языка». Одновременно Никитин делает осторожный вывод о том, что «та бедность звуками, о которой свидетельствует силлабический алфавит, не имела места в древне-кипрском диалекте и что древне-кипрский алфавит в указанных случаях не соответствовал древне-кипрскому произношению»⁷.

В своей статье Никитин отметил общие черты древнекипрских и аркадских надписей и указал на следы неясного произношения согласного звука *c* в большой идалийской надписи как на черту сходства диалекта силлабических надписей с кипрскими глоссами Гезихия. Наук хвалил эту работу за «тщательное критическое различение между тем, что точно известно, и тем, что сомнительно, осмысленность объяснений фонетических переходов»⁸.

Греческой диалектологии касается, главным образом, и магистерская диссертация Никитина «Об основах для критики текста эолических стихотворений Феокрита» (Киев, 1876, 101 с.). Обычно Феокрит писал свои

⁶ Schmidt M. Die Inschrift von Idalion und das kyprische Syllabar. Eine epigraphische Studie. Jena, 1874.

⁷ Никитин П. В. О древне-кипрском диалекте. С. 75.

⁸ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2–1888. Д. 3. Л. 27. Наук А. К. Представление об избрании профессора действительного статского советника Петра Васильевича Никитина в адъюнкты по классической филологии и археологии (Материалы к протоколам заседаний Общего собрания Имп. Академии наук от 12.03.1888.).

идиллии на дорическом диалекте, и его даже упрекали в «гипердоризмах», но в трех стихотворениях он воспользовался эолическим диалектом: в послании «Прялка» и в идиллиях XXIX и XXX (Παίδικᾶ Α и Παίδικᾶ Β)⁹. Третье эолическое стихотворение Феокрита (Παίδικᾶ Β) было открыто в одной миланской рукописи только в середине XIX в. и впервые опубликовано Т. Бергком. Текст стихотворения дошел в чрезвычайно испорченном виде и сразу привлек внимание таких известных издателей греческой буколической поэзии, как Т. Фрицше и Г. Аренс. Для Никитина эта находка послужила поводом к рассуждению обо всех трех эолических пьесах Феокрита. В первой части своего исследования он дал классификацию рукописей этих стихотворений и пришел к тем же выводам, что и Аренс в статье, вышедшей почти одновременно с его работой¹⁰. Вторая часть диссертации посвящена особенностям феокритовского эолизма. Здесь П. В. Никитин оспаривает принципиальное для критики текста эолических стихотворений Феокрита мнение Т. Бергка и Т. Фрицше о том, что Феокрит писал на современном ему эолическом диалекте. С другой стороны, не вызывало сомнений и то, что эолизм Феокрита отличался от диалекта древних эолических поэтов Сапфо и Алкея. Никитин изложил особенности феокритовского эолизма по сравнению с языком Алкея и Сапфо, а также эолических надписей и эолических глосс Гезихия¹¹. Рассматривая одно из таких отклонений — отсутствие в эолическом диалекте Феокрита дигаммы, Никитин убедительно показал, что дигамма не была специфической особенностью эолизма¹².

Весь ход рассуждений привел Никитина к выводу о том, что «Феокрит оставался еще верен преданиям лучших времен греческой литературы; в нем еще живо было инстинктивное чутье необходимой гармонии между содержанием и формой, между мыслью и метром, между метром и языком. Для него было потребностью выразить свои чувства любви и дружбы тем языком и теми метрами, в которых вылились самые роскошные греческие песни любви и дружбы — и он избрал язык и метры лесбийских лириков. Но если Феокритом руководило не желание хвастать грамматической эрудицией, а чисто художественная потребность, то понятно, что он забо-

⁹ Theocritus / Ed. with transl. and comment. by A. S. F. Gow. Cambr. Univ. Press. V. 1. Idyll. XXVIII–XXX.

¹⁰ Ahrens H. L. Über einige alte Sammlungen der theokritischen Gedichte // Philologus. 1874. Bd. 33. S. 385–417, 577–609.

¹¹ Никитин П. В. Об основах для критики текста эолических стихотворений Феокрита. Киев, 1876. С. 22–84.

¹² Там же. С. 22–42.

тился только об общем впечатлении, а не об аккуратной отделке мелких деталей диалекта»¹³. Наконец, Никитин привел в своей работе несколько толкований и поправок к отдельным местам феокрытовских эолических стихотворений¹⁴.

Г. Ф. Церетели назвал диссертацию П. В. Никитина «краеугольным камнем для дальнейших работ в этом направлении»¹⁵. Наук отозвался о ней как о работе, в той мере свидетельствующей «об учености и тщательности, здравомыслии и критической проницательности автора»¹⁶. Варнеке во время своего посещения лекции Эд. Шварца в Лейпцигском университете был приятно удивлен тем, профессор начал свою лекцию по Феокрыту словами, что «сегодня wir sind höchstbeglückt durch die freundliche Anwesenheit des russischen Fachgenossen welcher zu den nächsten Schülern des weltberühmten Theokritusforschers Paul von Nikitin gehört» [мы в высшей степени рады дружескому посещению русского коллеги, который принадлежит к ближайшим ученикам всемирно известного исследователя Феокрыта Павла (sic!) Никитина], и тут же к большому удовольствию Варнеке Шварц «подробно повторил в очень лестном убранстве выводы П. В. о диалекте Феокрыта, видимо прекрасно их усвоив»¹⁷.

В Нежине Никитин заинтересовался новым сборником схолий (комментариев) к речам Демосфена, который был найден Саккелионом в одной из рукописей X в. монастыря св. Иоанна Богослова на о. Патмос и издан им в 1877 г.¹⁸ К схолиям примыкал ряд глосс, извлеченных из каких-то лексиконов и относящихся к словоупотреблению аттических ораторов¹⁹; далее следовали схолии к Фукидиду и к Эсхину. Саккелион напечатал патмосские схолии и глоссы в том виде, в каком нашел их в рукописи, почти без изменений; лишь несколько поправок представили К. Кондос и О. Риман²⁰.

Под впечатлением этой находки Никитин задумал, по-видимому, боль-

¹³ Там же. С. 34–35.

¹⁴ Там же. С. 89–101.

¹⁵ *Церетели Г. Ф.* П. В. Никитин и филологическая наука // Памяти Петра Васильевича Никитина Пг., 1916. С. 20.

¹⁶ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2–1888. Д. 3. Л. 26–28. *Наук А.К.* Представление об избрании профессора действительного статского советника Петра Васильевича Никитина.

¹⁷ Там же. Ф. 896. Оп. 1. Д. 479. Л. 55–55 об. *Варнеке Б. В.* Старые филологи: Воспоминания.

¹⁸ *Sakkelion J.* Scholies de Démosthène et d'Eschine, d'après un manuscrit inédit de Patmos // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1871. T. 1. P. 10–16, 137–149.

¹⁹ Ibid. 149–154.

²⁰ *Condos C.* Corrections aux scholies de Démosthène et d'Eschine du manuscrit de Patmos // Ibid. P. 177–181; *Riemann O.* Remarques sur les mêmes scholies // Ibid. P. 182–192.

шую работу, начало которой появилось в 1879 г. под заглавием «Патмосские схолии к Демосфену»²¹. Новые схолии к Демосфену давали много сведений о греческой древности, и, в отличие от старых схолий, переполненных, по словам Никитина, риторической болтовней, автор новых избегал риторики²². Никитин обратил внимание на особенность нового сборника схолий: их двойственность, выражавшуюся в том, что схолии с двойными леммами (заголовками) постоянно прерывались схолиями с простыми заголовками. Ни Саккелион, ни Кондос и Рима́н ни словом не обмолвились о происхождении этой путаницы. Петр Васильевич убедительно показал, что этот беспорядок произошел в результате позднейших дополнений, сделанных к первоначальной основе схолий, которую составляли схолии с двойными леммами. Схолии же с простыми леммами были сделаны когда-то на полях, а потом оттуда попали в основной текст.

Самым ценным в патмосской рукописи было несколько новых фрагментов классических писателей. Издатель указал на восемь фрагментов (четыре из Лисия, один из Исея, один из Ликурга, один из Аристотеля), но имени одного автора он не смог угадать. В тексте одной из глосс встретился маленький фрагмент, в котором были упомянуты два имени, Стилпон и Метрокл²³. Одно из этих имен указывало на писателя, а второе — на сочинение. Саккелион с помощью конъектуры решал вопрос об авторе в пользу Метрокла. Никитин усомнился в справедливости этой гипотезы и необходимости конъектуры уже потому, что о литературной деятельности Метрокла было известно лишь то, что он любил жечь книги, свои или чужие, здесь мнения древних авторов расходились. Никитин привел данные, убеждающие в том, что это отрывок философа Стилпона из его диалога «Метрокл».

Статья Никитина содержит и другое открытие, важное для истории греческой литературы. Петр Васильевич с полной очевидностью доказал принадлежность оратору Гипериду любопытного отрывка, который приводится в первой из глосс (εἰρεσιῶνῃ) без имени автора²⁴. «Речь о делосском храме» (λόγος Δηλοῦκος), процитированную грамматиком, оратор произ-

²¹ Никитин П. В. Патмосские схолии к Демосфену I. // Известия Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. Киев, 1879. Т. 3. С. 1–17. Отд. изд.: Киев, 1879.

²² Там же. С. 2. Никитин обещал вернуться впоследствии к вопросу об отношении новых схолий к ранее изданным и рассмотреть варианты, содержащиеся в патмосской рукописи для текста Демосфена. С. 4. Однако продолжения работы не последовало. С. А. Жебелев предположил, что этому помешал переход Никитина в то время в Петербургский университет: Жебелев С. А. П. В. Никитин (некролог). С. 55.

²³ Sakkelion J. Scholies de Démosthène et d'Eschine. P. 151.

²⁴ Ibid. 149; Никитин П. В. Патмосские схолии к Демосфену I. С. 8–14.

нес перед судом амфикионов, защищая права афинян на заведование Делосским храмом и его имуществом. Судя по изданиям речей и фрагментов Гиперида, это открытие до сих пор остается незамеченным западноевропейской наукой.²⁵

Внимание Никитина привлек свежий эпиграфический материал по истории греческой драмы. В 1870-х гг. благодаря раскопкам, произведенным Афинским археологическим обществом на южном склоне афинского акрополя, было открыто большое число надписей, относящихся к устройству афинских драматических состязаний, или агонов. Это открытие дало возможность на основе официальных документов проверить те сведения, которые до этого были известны только в передаче писателей, и изучение греческого театра получало, таким образом, прочную основу.

Возможность существования официальных документов по истории такого на первый взгляд неофициального явления, как драматическая поэзия, объясняется тем фактом, что у греков театральные представления были составной частью религиозных праздников. Драматические произведения в V в. до н. э. ставились в театре только в праздники Диониса, первое место среди которых занимали великие Дионисии и Ленеи. Театральные постановки находились под надзором официального лица, заведующего устройством праздника, архонта, который и «давал хор» драматическому поэту. Материальные расходы на постановку трагедий и комедий возлагались на богатейших граждан в форме повинности — хорегии. Исполнение драматических произведений происходило в форме состязания, или агона, при этом состязались не только поэт с поэтом, но и хореги и протагонисты (главные актеры). В трагическом агоне участвовали три трагика, каждый из которых представлял тетралогию: три трагедии и одну сатирическую драму, комические поэты представляли по одной пьесе.

Драматические состязания, как всякое другое официальное действие, имевшее и свою финансовую сторону и затрагивавшее интересы многих людей, требовало официальной отчетности. В литературных свидетельствах по истории греческой драмы источники сведений о времени постановки пьес, их заглавиях и призах, полученных поэтами, назывались дидаскалиями. Название «дидаскалий» закрепилось и за «театральными» надписями, которые являлись официальными протоколами драматических состязаний и представляли собой погодные списки поставленных во время состязаний трагедий и комедий, а также списки победителей на состязаниях. Они давали возможность проверить и пополнить те сведения по истории афинского

²⁵ См., например: *Hyperidis Orationes et fragmenta / Rec. F. G. Kenyon. Oxonii, 1906* (ΔΗΛΙΑΚΟΣ, fr. 67–75); *Hyperides / Ed. Chr. Jensen. (ΔΗΛΙΑΚΟΣ, fr. 67–75).*

театра, которые сохранила литературная традиция. Большая часть надписей дошла в фрагментарном состоянии, и эта фрагментарность материала открывала простор для различных интерпретаций надписей и их комбинаций. К изучению и толкованию этих надписей обратились такие известные филологи, как Т. Бергк²⁶, и У. Келер²⁷. Работы содержат свод относящихся к аттическому театру эпиграфических памятников и сопутствующие надписям объяснения, но эти комментарии были кратки и некоторых литературно-исторических вопросов вовсе не затрагивали.

Свою лепту в изучение «театральных» надписей внес и Никитин: он предпринял попытку полного описания источников, касающихся драматических состязаний, и поставил задачу на основании данных, содержащихся в этих документах, разобраться в запутанных и спорных вопросах внешней истории афинской драмы, ее хронологии и условий развития.

В 1881 г. он опубликовал «Обзор эпиграфических документов по истории аттической драмы», который начал словами в духе Соколова: «Историко-филологическая наука лишена того могучего средства контроля над выводами разума, которое в других науках дается опытом. Но и в ней, хотя случайно и лишь время от времени, является нечто, отчасти заменяющее опыт — именно открытие новых, прежде неизвестных свидетельств. Такие открытия то неожиданным образом подтверждают самые смелые догадки дальновидных исследователей, то, очищая ниву науки от ложных гипотез, вышедших из неправильной оценки и комбинации старых свидетельств, готовят почву для новых предположений, более надежных. Таково же до известной степени значение и открытий, сделанных в недавнее время в области эпиграфических источников истории греческой драмы»²⁸. И далее: «Эти источники драгоценны для нас не только потому, что, по времени происхождения, они весьма близки, отчасти современны тем историческим фактам, о которых свидетельствуют, но еще и потому, что значительная часть их, по самому способу происхождения, имеет те неоспоримые права на наше доверие, какие обыкновенно усваются официальным документам... Подобно множеству иных официальных известий, и эти официальные историко-литературные показания касаются лишь чисто внешней стороны событий, но зато в этой ограниченной области они, без всякого сомнения, совершен-

²⁶ *Bergk Th.* Verzeichniss der Siege dramatischer Dichter in Athen // *Rheinisches Museum für Philologie.* 1879. Bd. 34. S. 292–333.

²⁷ *Koehler U.* Dokumente zur Geschichte des athenischen Theaters // *Mittheilungen des Deutschen archaeologischen Institutes.* 1878. Bd. 3. S. 104–151; 229–258.

²⁸ *Никитин П. В.* Обзор эпиграфических документов по истории аттической драмы // *ЖМНП.* 1881. Ч. 218. Декабрь. С. 603.

но точны и достоверны. А что правильное, методическое объяснение смысла историко-литературных фактов невозможно, пока не определена точно их внешняя обстановка — это едва ли нужно доказывать»²⁹. Через год вышла новая эпиграфическая работа Никитина, где он изложил те выводы, которые можно было сделать на основе новых данных³⁰.

Статьи Никитина составили основу его докторской диссертации, вышедшей в свет в 1882 г.³¹ Заглавие диссертации «К истории афинских драматических состязаний» свидетельствовало о строгости автора к самому себе, но звучало слишком «по-немецки» и вызвало неодобрение некоторых пуристов. Однако Никитин не мог пожертвовать предложением «к», потому что он поставил своей задачей давать лишь новые результаты собственных исследований, не повторяя чужого. По отзыву Люгебиля, данному им в подробной немецкой рецензии, Никитину удалось разрешить или по крайней мере поставить целый ряд вопросов, относящихся к этой теме, и этим результатом он был обязан строго критическому, научному направлению своей работы³².

Книга, небольшая по объему, 199 страниц, делится на две части: обзор эпиграфических документов истории аттических драматических агонов и выводы показаний эпиграфических документов относительно истории агонов. Диссертация, в отличие от статей, на которых она основывается, распадается на отдельные главы, каждая из которых в свою очередь делится на ряд параграфов.

Никитин не задавался целью подготовить новое критическое издание театральные надписей, но все же он не всегда довольствовался результатом предложенных Келером чтений эпиграфических документов. Не имея

²⁹ Там же. С. 603–604. По поводу этой работы Эрнштедт писал Никитину: «Любезный Петр Васильевич! Покорно благодарю за присылку Вашего «Обзора эпигр. док.» Я прочел Вашу статью с искренним удовольствием, а затем (17 марта, вернувшись в Афины 5-го марта) представил о ней реферат в заседании Немецкого арх. института, причем даже Келер (другие, конечно, ушами хлопали) никаких серьезных возражений не делал. Он впрочем продолжает думать, что в V в. на Ленеях не было трагических агонов, ссылаясь на доводы Матвига и на два декрета, о которых Вы говорите на стр. 637; особенно на второй (393 г.). Он пока не находит возможным предполагать, что на Ленеях совершались такого рода провозглашения»: ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 2. Д. 20. Л. 3. Письмо В. К. Эрнштедта П. В. Никитину. Б/д.

³⁰ *Никитин П. В.* К истории афинских драматических состязаний // ЖМНП. 1882. Ч. 222. Август. С. 311–354.

³¹ *Никитин П. В.* К истории афинских драматических состязаний // Зап. историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. 1882. Т. 11. Отд. изд.: СПб., 1882. (Далее — *Никитин П. В.* К истории афинских драматических состязаний.)

³² *Lugebil K.* Rec.: Paul Nikitin. Zur Geschichte der dramatischen Wettkämpfe in Athen. St. Petersburg, 1882 // *Philologische Wochenschrift*. 1883. № 31/32. Col. 963.

возможности самому изучить надписи в оригинале, он прибегал к услугам находившихся в Афинах в 1880–1882 гг. Ернштедта и Латышева и просил их сличить наиболее важные для него надписи³³.

Никитин дал классификацию эпитафических памятников, которые составили официальную основу сведений по истории аттических драматических агонов. Среди этих документов первое место по богатству сообщаемого историко-литературного материала занимал свод комических и трагических дидаскалий за целый ряд лет, где в хронологическом порядке обозначались вместе с именем архонта поэты и заглавия поставленных ими драм, а также имена протагонистов и отмечался победитель среди них. Надписи второго разряда, «дионисионики» (Διονυσιονῆκαι), представляли собой хронологический список дионисийских победителей в мусических и сценических агонах, с именами хорегов и фил. Некоторое значение для истории аттической драмы имели эпитафические памятники третьего рода (Νῆκαι Διονυσιακά...), содержащие статистические таблицы побед, одержанных в Афинах драматическими поэтами как на Великих Дионисиях, так и на Ленеях: здесь называются одно за другим имена драматических поэтов в хронологическом порядке одержанных ими первых побед. Позади каждого имени стоит цифра, которая указывает на общее число одержанных поэтом побед.

Доказывая, что содержание важнейших из этих документов заимствовано из официальных записей, современных тем фактам, о которых они свидетельствовали, Никитин затронул вопрос о том, какая власть и для каких целей должна была вести такого рода записи, и по этому поводу рассмотрел устройство драматических хорегий, т. е. повинности, возлагавшейся на богатейших граждан для получения средств на постановку драматических пьес. Целым рядом доводов Никитин опроверг утвердившееся в науке мнение, будто драматический хорег действовал как представитель филы. Связь хорегий с филами предполагали по аналогии с хорегиями мусических агонов, связь которых с филами была несомненна. Никитин показал, что новые эпитафические документы говорили в пользу того, что «списки сценических хорегов могли вестись не властями фил, а только властями государственными — архонтами»³⁴. Независимо от Никитина к такому же выводу пришел Липсиус³⁵, и с тех пор это положение как

³³ Никитин П. В. К истории афинских драматических состязаний // ЖМНП. 1882. С. 344.

³⁴ Никитин П. В. К истории афинских драматических состязаний. С. 28.

³⁵ Lipsius J. Bemerkungen über die dramatische Choregie // Berichte über die Verhandlungen der königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Classe. 1885. Bd. 37. S. 411–420.

установленный факт вошло в учебники и руководства по истории греческого театра³⁶.

Драматические представления во времена процветания драмы в Афинах, в V в. до н. э., ставились в театре только в праздники Диониса, первое место среди которых занимали городские, или великие, Дионисии и Ленеи. Стараясь определить точнее, чем это делалось прежде, к какому из двух афинских празднеств относятся отдельные из эпиграфических документов, Никитин выясняет различие между этими двумя празднествами в отношении к составу и порядку зрелищ. Разбирая мнение Келера, основанное на его реконструкции двух афинских декретов (CIA I, 59, II, 10^b), будто все фрагменты «Дионисиоников» относились к состязаниям городских Дионисий, Никитин показывает шаткость этой реконструкции и убедительно доказывает, что уже в предпоследнем десятилетии V в. представления трагедий происходили на обоих праздниках. «Итак, по нашему мнению, — заявляет Никитин, — положение, что в V веке трагический агон был принадлежностью как Дионисий, так и Линэйского празднества, стоит и после рассуждения Келера так же твердо, как стояло до них»³⁷.

В одной из надписей (CIA II, 977 a, 14 строка) Никитин реконструировал имя современника Софокла, трагика Нофиппа и попытался спасти его от смешения с Гнесиппом. В противоположность догадке Виламовица, что Нофипп — это кличка, извращающая имя поэта Гнесиппа, которой насмешники хотели указать как на его незаконное происхождение, так и на свойства его поэзии, Никитин предположил, что скорее имя Гнесипп может быть извращением имени Нофиппа, чем наоборот³⁸. То же самое высказал и А. Вильгельм³⁹, но ему осталось совершенно неизвестным одно из существенных соображений Никитина, доказавшего, что само имя Нофипп, «ездящий на лошаке», не имело никакого отношения к незаконному происхождению и менее всего годилось для карикатурной замены действительного имени Гнесиппа. Далее, путем разбора свидетельств о Гнесиппе, Никитин доказывал, что «то, что сообщается нам о Нофиппе, не представляет никакого основания для отождествления его с Гнесип-

³⁶ См., например: Müller A. Lehrbuch der Griechischen Bühnenaltertümer // K. F. Hermann's Lehrbuch der griechischen Antiquitäten. Freiburg, 1886. Bd. 3. S. 418; Pickard-Cambridge A. The Dramatic Festivals of Athens. 2-nd ed. Oxford, 1968. P. 86.

³⁷ Никитин П. В. К истории афинских драматических состязаний. С. 46. Аргументация Никитина не убедила Келера, и он не изменил своего мнения по этому вопросу.

³⁸ Там же. С. 59. Никитин указывает, что несколько замечаний относительно этого фрагмента сделал Эрнштедт: Там же. С. 54.

³⁹ Wilgelm A. Urkunden dramatischer Aufführungen in Athen. Mit einem Beitrage von Georg Kaibel. Wien, 1906. S. 102.

пом»⁴⁰. Зелинский не согласился с этим выводом и отстаивал версию, что Гнесипп и Нофипп одно и то же лицо⁴¹.

Во второй части своей работы Никитин перешел к тем выводам, которые можно было сделать на основе данных эпиграфических документов относительно состава и порядка следования афинских драматических спектаклей и отношений между актерами и драматическими поэтами⁴². Вопрос о порядке и составе состязаний был не прост из-за скудости материала и вследствие того, что этот порядок и состав не были одинаковы для обоих праздников — Леней и Великих Дионисий, и даже для одного и того же праздника подвергались различным изменениям в течение столетия.

Первоначально в драматических состязаниях участвовали три трагических поэта, каждый из которых представлял тетралогию, состоявшую из трех трагедий и одной сатирической драмы, и три комических поэта, представлявшие по одной комедии каждый. В следующий период каждый из трех трагических поэтов ставил только по три трагедии, но зато играли по пять комедий и одну сатирическую драму. Кроме того, Никитин выяснил, что уже во времена трагика Фриниха репертуар афинских сценических праздников обогатился одной возобновленной «старой» трагедией. Независимо от Никитина к этому выводу пришел и Э. Роде⁴³. Наконец, с середины III в. постоянной частью аттических агонов стала и «старая» комедия. Благодаря эпиграфическим документам разъяснялось, каким образом возобновление пьес примирялось с интересами авторов новых трагедий: старая трагедия и старая комедия вместе с сатирической драмой стояли вне агона и, следовательно, вне конкуренции.

Рассуждая о месте старой комедии в ряду спектаклей, Никитин затронул отрывок в надписи CIA II 975. По его просьбе этот фрагмент был сличен Эрнштедтом, который сообщил его новую копию и восстановил начало: «играл Онисим» (ὄλεκρίβετο Ὀνήσιμος)⁴⁴. Это предположение было одобрено Никитиным и принято Вильгельмом⁴⁵.

⁴⁰ Никитин П. В. К истории афинских драматических состязаний. С. 58–59.

⁴¹ Зелинский Ф. Ф. К истории афинских драматических состязаний. Сочинение П. Никитина. СПб., 1882 // ЖМНП. 1883. Ч. 228. Критика и библиография. С. 126.

⁴² Никитин П. В. К истории афинских драматических состязаний // ЖМНП. 1882. С. 311–354.

⁴³ Rohde E. *Scenica* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1883. Bd. 38. S. 251–292.

⁴⁴ Никитин П. В. К истории афинских драматических состязаний. СПб., 1882. С. 113.

⁴⁵ Wilgelm A. *Urkunden dramatischer Aufführungen in Athen. Mit einem Beiträge von Georg Kaibel*. Wien, 1906. S. 72.

Самой интересной назвал Люгебилль главу, где рассматривался старый вопрос об отношениях актеров к авторам⁴⁶. В отзыве Наука по этому поводу сказано: «Обратив внимание на некоторые, не замеченные другими исследователями стороны новых свидетельств, сопоставив их со свидетельствами прежде известными и тщательно истолковав те и другие, автор успеваает на место прежних недоумений и противоречий внести ясность последовательного развития и в историю отношений, существовавших у древних между актером и драматическим поэтом. Никитин обратил больше внимания на историю этих отношений, чем его предшественники»⁴⁷. Никитин установил, что история аттического театра представляет собой постепенное освобождение актера от поэта, и выделил шесть периодов этой эмансипации: «1) время до Эсхила: поэт и актер — одно лицо; 2) время Эсхила: вместе с поэтом в исполнении пьесы принимал участие особый актер, который принадлежал одному поэту как его постоянный помощник; 3) время Софокла: поэт перестает быть актером, но актер по-прежнему принадлежит поэту; 4) время той *ῥέμνησις ὑλοκριτῶν*, о которой говорят лексикографы: актер принадлежит поэту только на время одного состязания; 5) время полной независимости актеров от поэтов; 6) время Энния (Плавта и Теренция): поэт принадлежит актеру, служа поставщиком хозяйина актерской труппы (*dominus gregis*)»⁴⁸.

Что так называемая *ῥέμνησις ὑλοκριτῶν* (распределение актеров) могла иметь место лишь после времени Софокла, допускал и Роде⁴⁹. Никитин пришел к этому выводу после того, как он надлежащим образом восстановил и истолковал один из весьма важных документов истории афинского театра — правый столбец надписи SIG 231. Надпись принадлежала к числу фрагментов эпитафического свода дидаскалий и представляла остатки двух столбцов: в левом содержались сведения о комическом агоне, в правом — об агоне трагическом. Издатель этой надписи А. Бек приурочил всю надпись целиком к 50-м годам IV в., Никитин же обратил внимание на то, что трагическая часть надписи относится к другому времени, чем комическая, а именно — к 20-м годам V в.⁵⁰ Никитин пришел к этому выводу

⁴⁶ *Lugebil K. Rec.: Paul Nikitin. Zur Geschichte der dramatischen Wettkämpfe in Athen. St. Petersburg, 1882. Col. 967.*

⁴⁷ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2—1888. Д. 3. Л. 26—28. *Наук А. К.* Представление об избрании профессора действительного статского советника Петра Васильевича Никитина в адъюнкты по классической филологии и археологии (Материалы к протоколам заседаний Общего собрания Имп. Академии наук от 12.03.1888.).

⁴⁸ *Никитин П. В.* К истории афинских драматических состязаний. С. 139—140.

⁴⁹ *Rohde E. Scenica. S. 261—270.*

⁵⁰ *Никитин П. В.* К истории афинских драматических состязаний. С. 129—138.

прежде, чем появилась вторая часть второго тома Corp. Incr. Att., где (№ 972, стр. 396–397) то же самое отмечено У. Келером.

Как ни сухи и бедны содержанием эти эпиграфические источники, благодаря им Петр Васильевич восстановил в правах некоторых драматических поэтов, существование которых отвергалось излишним скептицизмом новых ученых. Так он реконструировал имя комического поэта Ликиса, память о котором, по словам Никитина, хотели истребить огнем и мечом, а также комического поэта Сократа. Никитин первый воспользовался новыми эпиграфическими данными и для того, чтобы точнее определить свойства содержания и формы так называемых Аристотелевских дидаскалий, т. е. того утраченного для нас сочинения, которое послужило для александрийских ученых главным источником сведений о внешней истории драматической поэзии греков. Никитин коснулся сложного и многократно обсуждавшегося в научной литературе вопроса об отношении Аристофана к дидаскалам Калликрату и Филониду, которым поэт поручил постановку трех своих первых комедий. Исследователи греческой литературы много спорили о том, считались ли официально, во время драматических состязаний, эти дидаскалы и авторами тех комедий, которые они ставили, или же они рассматривались только как режиссеры, действовавшие по поручению автора, имя которого и заносилось в официальные дидаскалии. Никитин признавал вполне возможным, что пьесы Аристофана, поставленные даже другими лицами, приписывались в официальных дидаскалиях своему настоящему автору, для этого нужно было только признать, что отношения знаменитого комика к его дидаскалам были различны в разные периоды его деятельности⁵¹.

Зелинский, расходясь с Никитиным по некоторым частным вопросам, высоко оценивал этот «дельный и добросовестный труд» и особо отметил, что «особой похвалы заслуживает богатство привлеченных автором материалов, дающее всем его выводам широкую и твердую основу, выдержанность и обдуманность плана, в высшей степени облегчающее вникание в трудный и несколько сухой предмет, и, наконец, спокойный и беспристрастный тон, господствующий во всех рассуждениях автора»⁵². Жебелев назвал книгу Никитина классической по методу исследования⁵³. «Графаретное „non multa, sed multum“, — писал он, — оказывается применимым к книге П. В. настолько, что я затруднился бы назвать в числе книг, посвященных

⁵¹ Там же. С. 183–196.

⁵² Зелинский Ф. Ф. К истории афинских драматических состязаний. Сочинение П. Никитина. С. 137–138.

⁵³ Жебелев С. А. П. В. Никитин (некролог). С. 57.

изучению античного мира другую, которая в этом отношении с книгой П. В. могла бы поспорить. Все в ней у места, все глубоко продумано, все трезво взвешено, не упущена ни одна деталь, отмечены все сомнения, ясно обрисованы выводы. Если бы кому-либо пришла фантазия зачеркнуть в книге П. В. не только лишние фразы, но даже ненужные слова, он вряд ли справился бы с этой задачей»⁵⁴. Люгебиль также отмечал, что «форма изложения, даже если иногда трудная и из-за краткости непонятная, однако никогда не пространная». В заключение своей рецензии он высказал пожелание, чтобы это исследование Петра Васильевича в интересах науки было переведено на один из западноевропейских языков⁵⁵. Не один из филологов Германии выражал сожаление, что рассуждение русского ученого о драматических состязаниях известно им только по рецензии Люгебиля, и ратовал за выход немецкого издания этого труда⁵⁶.

Публичная защита докторской диссертации П. В. Никитина состоялась 10 апреля 1883 г. в собрании историко-филологического факультета Петербургского университета. Оппонентами были Люгебиль и Соколов, их отзывы, прозвучавшие на диспуте, не были напечатаны, пока они не обнаружены и в архивных делах. Нам пришлось бы довольствоваться скухими строками протокольной записи, констатирующей успешную защиту диссертации⁵⁷, если бы Зелинский, присутствовавший на диспуте, не описал его: «Из оппонентов помню Люгебиля и Соколова. Первый по своей склонности к микроскопической работе спорил более о мелких пунктах, большей частью лингвистического характера, воздавая в это же время должное выдержке и „акрибии“ автора. Зато экспансивный Ф. Ф. Соколов не мог сдержать своего восторга: как человек, основательно знакомый с западноевропейской филологией, но более любящий родную, он с увлечением устанавливал, насколько

⁵⁴ Жебелев С. А. Докторская диссертация П. В. Никитина // Памяти Петра Васильевича Никитина. СПб., 1916. С. 36.

⁵⁵ *Lugebil K. Rec.: Paul Nikitin. Zur Geschichte der dramatischen Wettkämpfe in Athen.* Col. 968.

⁵⁶ Например, профессор Лейпцигского университета Ю. Г. Липсиус, излагая результаты своих исследований о драматических хоририях, сообщил: «Als ich 1883 in meinen Vorlesungen über das griechische Bühnenwesen das Ergebniss obiger Untersuchung mitgetheilt hatte, erfuhr ich durch einen Zuhörer, Mag. Schulz aus Russland, dass eine kurz vorher erschienene, russisch geschriebene Schrift von P. Nikitin, Zur Geschichte der dramatischen Wettkämpfe in Athen (St. Petersburg, 1882), mit ähnlicher Argumentation zu demselben Resultat gelangt sei. Nach dem mir daraus Mitgetheilten verdiente die Schrift eine deutsche Bearbeitung»: *Lipsius J. Bemerkungen über die dramatische Choregie* S. 415.

⁵⁷ Протоколы заседаний Совета Имп. Санкт-Петербургского университета за вторую половину 1882–1883 академического года. СПб., 1884. № 28. С. 59–60. Журнал заседания Совета 2.05.1883.

ко далее двинул вопрос диспутант „в его драгоценных маленьких параграфах“, в сравнении с его западными, особенно немецкими исследователями). «Увы! — заключает Зелинский, — окраинный характер русской филологии сказался и здесь — как поздно западные ученые собственным трудом достигли результатов, уже предвосхищенных их русским собратом»⁵⁸.

Особая группа небольших по объему ученых статей П. В. Никитина посвящена критике текста греческих авторов. По большей части статьи представляют собой изящные и остроумные конъектуры, в основе которых лежат данные языка и здравого смысла. Правда, эти поправки сравнительно немногочисленны, но ценители критического искусства в один голос называют их «подлинными жемчужинами конъектуральной критики»⁵⁹. По отзыву Наука, «поправки, предложенные им к „Персам“ Эсхила, к „Медее“ Еврипида и речи Демосфена против Конона, к „Эдипу царю“ и „Эдипу Колонскому“ Софокла, к Аристофану, Платону, Ксенофону, Плутарху, все тщательно продуманы и, по большей части, до того очевидны, что удивляешься, как они гораздо ранее не были найдены другими»⁶⁰.

Знаток и издатель Эсхила Г. Вейль, узнав, что Никитин в одной из своих работ предлагает 527–531 стихи «Персов» Эсхила поставить после 851 стиха, согласился с этой поправкой и принял ее в текст своего издания Эсхила⁶¹. Русский язык, которым обычно пользовался Никитин в своих работах, был помехой тому, чтобы и другие его конъектуры получили права гражданства в изданиях текстов⁶². Нет нужды подробно перечислять все конъектуры Никитина: его критические заметки собраны в приложении, и читатель сам может составить о них полное представление. В последний год своей жизни Никитин написал заметку к тексту Платона Plat. Conv. 189 E.⁶³

⁵⁸ Зелинский Ф. Ф. Памяти П. В. Никитина // Биржевые ведомости. 1916. 9 (22) мая. № 15547. С. 4.

⁵⁹ Там же. С. 21. Ср. высказывание М. И. Ростовцева: «Многие мелкие статьи его — настоящие жемчужины, имеющие непреходящий, вечный интерес»: *Ростовцев М. И. Памяти Петра Васильевича Никитина*. С. 3. О том же говорит и Латышев: *Латышев В. В. Памяти Петра Васильевича Никитина*. С. 928.

⁶⁰ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2–1888. Д. 3. Л. 28. *Наук А. К.* Представление об избрании профессора действительного статского советника Петра Васильевича Никитина.

⁶¹ *Aeschylī Tragoediae* / Ed. H. Weil. Lipsiae, 1884. Praefatio. P. XXVII: Persae: 527–531 post 851 transposuit Nikitine; P. 109: vers. 526, 532; P. 120: vers. 854, 527–531, 852.

⁶² Этому помешало и укоренившееся в современной издательской практике строгое следование рукописной традиции, которое фактически свело на нет усилия многих поколений филологов, сторонников конъектурального направления.

⁶³ ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 201. Заметки к Платону (По поводу статьи Н. А. Морозова «Лингвистические спектры») б/д. Сохранившийся в архиве фрагмент заметки Никитина помещен в Приложении 2.

Поводом к этой работе послужила статья Н. А. Морозова «Лингвистические спектры», опубликованная в 1915 г. на страницах академического издания⁶⁴. «Очень жаль, — писал Варнеке по поводу этой неоконченной работы Никитина, — что смерть помешала ему напечатать и докончить разбор нелепых бредней о Платоне «шлиссельбуржца» Морозова. Здесь его убийственное остроумие нашло бы благодарнейшую для себя почву»⁶⁵.

Совершенно отказавшись от употребления новых иностранных языков, Никитин умножил количество русских ученых работ по историко-филологическим наукам — «ученых, — однажды он дал разъяснение этого термина, — не в смысле пересказа, хотя бы и очень усердного, чужих исследований и не в смысле дилетантских, хотя бы и талантливо изложенных, размышлений на самые широкие темы, а в смысле самостоятельности, основательности, документальной точности собственного исследования»⁶⁶.

Все свои работы Никитин писал по-русски (только одна его работа написана на латинском языке)⁶⁷, мирясь с тем, что они не будут широко известны на Западе. Делал он это по принципиальным соображениям, отстаивая право русской науки на самостоятельное существование. В конце XIX в. усилиями ученых разных специальностей создавалась русская научная историко-филологическая литература. Арабист немецкого происхождения бар. В. Р. Розен⁶⁸ горячо ратовал за то, чтобы русские востоковеды писали свои сочинения на русском языке, он и сам следовал этому принципу, и большая часть его работ написана по-русски. Возглавив в 1885 г. Восточное отделение Русского археологического общества, Розен создал и стал редактором «Записок Восточного отделения», доступ в это издание был открыт исключительно для работ, написанных на русском языке. Розен полагал, что при систематическом, упорном проведении этого принципа западноевропейские коллеги будут вынуждены ввести в свой научный обиход русский язык. Еще раньше В. Г. Васильевский приучил своих западных коллег читать на языке оригинала русские византиноведческие труды.

В области классической филологии западные ученые тоже начали считаться с тем, что делалось в России, и некоторые из них отказывались от

⁶⁴ Морозов Н. А. Лингвистические спектры // Известия ОРЯС Имп. Академии наук. 1915. Т. 20. Кн. 4. С. 93–134.

⁶⁵ ПФА РАН. Ф. 896. Оп. 1. Д. 479. Л. 48. Варнеке Б. В. Старые филологи. Воспоминания.

⁶⁶ Никитин П. В. [Возражения на записку А. И. Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов]. С. 25.

⁶⁷ Nikitin P. Ad Plutarchi quae feruntur Moralia // MGR. 1889. Т. 6. Р. 1–19.

⁶⁸ Подробнее о Розене см. ниже.

обидного для отечественных ученых стереотипа «*Rossica non leguntur*» (т. е. то, что написано по-русски, не стоит читать; вариантом этого выражения было «*Petropolitana non leguntur*»). Западные ученые высоко оценили издания авторов и надписей, подготовленные в России: критическое издание речей Антифонта, выпущенное Ернштедтом, собрания надписей, найденных на территории России, изданные Помяловским и Латышевым⁶⁹. Варнеке вспоминал о том, как он помогал своим немецким коллегам переводить статьи русских ученых⁷⁰. Никитина радовало предсказание Карла Крумбахера о том, что в будущем русский язык будет одним из главных культурных языков (наряду с немецким, французским и английским). По мнению немецкого византиста, на это ему «давало право значение русской ученой литературы, знакомство с которой для целого ряда наук необходимо или по меньшей мере очень желательно»⁷¹. Возможно, если бы ничто не нарушило нормального развития отечественной науки, предсказание Крумбахера могло сбыться.

Впрочем, языковой барьер является не единственным препятствием слабого знакомства с творчеством Никитина. К сожалению, даже русские исследователи и переводчики не учитывают в своих работах мнения своих

⁶⁹ К. Кобет, Ф. Бласс, У. фон Виламовиц-Мёллендорф отзывались об издании Антифонта как о пособии, лучше и полезнее которого невозможно даже и желать. См. подробнее: *Куклина И. В. В. К. Ернштедт: обзор научного рукописного наследия // РН. С. 73. Г. Ф. Церетели писал Ернштедту 10 декабря 1899 г. из Берлина: «Отзывы Виламовица о Вас мне слушать очень приятно, тем более что о русских ученых здесь услышать много нельзя. Вот этот факт продолжает меня возмущать до крайности. Что это за нахальное игнорирование великого народа, который если и сделал для науки меньше гораздо, чем Запад, то лишь вследствие печальных исторических условий. Когда, скажите мне, наступит конец этому пренебрежению к умственной работе России? Я лично думаю, что только тогда, когда в войне с Германией мы поколотим Германию так же энергично, как при Елисавете Петровне. А виноваты в этом наши же ученые — Ростовцев... которые кадят Западу налево и направо, бессмысленно унижая себя и отрицая возможность существования у нас в России светлых голов, которые между тем существуют и даже, может быть, в действительности посветлее и пояснее западных». Цит. по: *Тункина И. В. М. И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / Под общ. ред. акад. РАН Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 115. Появление первого тома *Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae* (Petropolis, 1885), подготовленного В. В. Латышевым, вызвало доброжелательные отзывы В. Диттенбергера, Т. Рейнаха, Л. Бюрхнера.**

⁷⁰ В Лейпциге Варнеке помогал Эд. Шмидту, самоучкой выучившему русский язык, переводить статьи Д. Ф. Беляева и А. С. Павлова из «Византийского временника»; накануне Первой мировой войны Варнеке переводил О. Россбаху труды С. А. Жебелева по два часа в день до обеда, а тот его потом «закармливал и запаивал изысканнейшими сицилийскими винами»: ПФА РАН. Ф. 896. Оп. 1. Д. 479. Л. 55–56. *Варнеке Б. В.* Старые филологи. Воспоминания.

⁷¹ *Никитин П. В.* Карл Крумбахер. 1856–1909. Некролог // *Известия Имп. Академия наук.* 1910. Сер. 6. №. 2. С. 129. Некролог публикуется в Приложении 1.

отечественных предшественников, в том числе и Никитина. Так, например, такой знаток русской историографии античности, как Э. Д. Фролов, в своем переводе «Киропедии» Ксенофонта ни словом не обмолвился о конъюнктуре Никитина к Хен. Сугор. VIII, 2, 25⁷². В русских переводах текстов других авторов поправки Никитина также не учтены⁷³.

Постепенно интересы Никитина стали склоняться к византиноведению, как было уже сказано, не без влияния Васильевского. Современный специалист по Византии И. П. Медведев условно делит своих отечественных предшественников на «естественных», *ex officio*, и «факультативных» византинистов. Основной специальностью последних была классическая филология. «Причины этого любопытного явления, — пишет Медведев, — ухода, казалось бы, преуспевающих классиков в „глубокую византинистику“... еще предстоит выяснить: по-видимому, холодная красота классицизма была все же менее привлекательна русскому сердцу, чем таинственный и малоизученный, но чем-то столь родственный мир византинизма; в чисто исследовательском плане влекло, несомненно, „широчайшее поле деятельности“, желание искать истину „suo Marte“, а не по следам и указаниям по преимуществу зарубежных предшественников, уже все, как казалось, сказавших о древнем мире; учитывалась, конечно, и востребованность работ по византиноведческой тематике»⁷⁴.

По словам «факультативного» византиниста Никитина, к византиноведению ученые шли окольными путями: к этой области знания их могли привести интересы богословия, классической филологии, средневековой истории, археологии, палеографии⁷⁵. В некрологе Ернштедта он писал о том, что по мере развития научной деятельности Виктора Карловича византийские сюжеты получали все большее преобладание над классическими. Объяснение этого факта Никитин видел в том, что «в византийской филологии особенно много остается еще той работы, для выполнения которой необходимы те именно таланты и умения, которые в его умственной организации были преобладающими»⁷⁶: тонкое критическое чутье,

⁷² Ксенофонт. Киропедия / Пер. Э. Д. Фролова (кн. V–VIII). М., 1976. С. 191.

⁷³ См., например: *Эсхил. Персы* / Пер. Вяч. Иванова // Трагедии. М., 1989. С. 31; *Эсхил. Персы* / Пер. С. Апта // Трагедии. М., 2001. С. 93; *Демосфен. Против Конона* / Пер. И. А. Шишовой // Речи. М., 1994. Т. 2. С. 196; *Аристофан. Женщины на празднике Фесмофорий* / Пер. под ред. С. Апта // Комедии. М., 1954. Т. 2. С. 183, 190.

⁷⁴ Медведев И. П. Предисловие // РН. С. 6.

⁷⁵ Никитин П. В. Карл Крумбахер. 1856–1909. Некролог. С. 117.

⁷⁶ Никитин П. В. Памяти В. К. Ернштедта // Известия Импер. Академии наук. 1902. Сер. 5. Т. 17. № 2. С. IV.

остроумие и эрудиция. Как и Ернштедт, Никитин применил к памятникам византийской письменности свои таланты и приемы, выработанные «классической школой».

Первой работой Никитина «византийского цикла» были опубликованные в 1888 г. «Замечания к тексту „Шестоднева“ Георгия Писидийского», византийского писателя VII в.⁷⁷ Поводом к этому исследованию послужило вышедшее в 1882 г. издание славянского перевода «Шестоднева», выполненного в XIV в. Димитрием Зографом⁷⁸. Хотя казалось невозможным точно определить место славянского перевода в ряду источников текста «Шестоднева», было очевидно, что он очень близок греческому подлиннику. Именно поэтому славянский перевод дал Никитину возможность предложить ряд поправок к сохранившемуся греческому тексту «Шестоднева», многие из которых без помощи перевода вряд ли могли быть найдены. По отзыву Наука, «как и в других случаях, так и здесь Никитин обнаруживает значительную проницательность. Это рассуждение свидетельствует о тщательном изучении не только того писателя, к которому главным образом относится, но и всей соприкоснутой греческой литературы, древней и позднейшей»⁷⁹. Интересные наблюдения над стихосложением Георгия и указания следов заимствования из его поэмы в стихотворном романе известного писателя эпохи Комнинов (XII в.) Феодора Продрома «О Роданфе и Досикле» придают этой небольшой по объему работе еще больше ценности.

Большая начитанность Никитина в памятниках византийской письменности сказалась и в его втором труде в области византийских исследований, который появился в 1895 г. под заглавием «О некоторых греческих текстах житий святых»⁸⁰. По признанию самого Никитина, внешним толчком, побудившим его обратиться к изучению памятников житийной литературы, послужило знакомство со вторым выпуском «Русско-византийских исследований» В. Г. Васильевского⁸¹.

⁷⁷ Никитин П. В. Замечания к тексту «Шестоднева» Георгия Писидийского // ЖМНП. 1888. Ч. 255. Январь. С. 1–29.

⁷⁸ Шляпкин И. А. Памятники древней письменности: Шестоднев Георгия Пизиды в славяно-русском переводе 1385 года. СПб., 1882.

⁷⁹ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2–1888. Д. 3. Л. 28. *Наука А. К.* Представление об избрании профессора действительного статского советника Петра Васильевича Никитина.

⁸⁰ Никитин П. В. О некоторых греческих текстах житий святых // Записки Импер. Академии наук по Ист.-филол. отделению. 1895. Т. 1. № 1. С. 1–67.

⁸¹ Там же. С. 27. Прим. 95: «В этом издании памятника столько сделано для всестороннего его объяснения, что даже читатель, который, подобно автору этих замечаний, не имел ранее случая ближе ознакомиться с этим родом литературы, получает возможность самостоятельного суждения по крайней мере о некоторых мелких подробностях устройства текста и его толкования».

В этой работе Никитин применил приемы, выработанные «классической школой», к агиографическим текстам, подверг разбору, обнаружил и исправил повреждения более сотни мест житий Никифора, Тарасия, Григория Декаполита, Георгия Амастридского, Афанасия Афонского. Исправления Никитина были приведены в новом издании жития Георгия Амастридского⁸². Наблюдения автора касались также некоторых характерных черт житийной литературы; так, например, он отметил случаи подражания житий Никифора, Тарасия, Григория Декаполита, Георгия Амастридского, Афанасия Афонского хвалебному слову Григория Назианзина в честь Василия Великого.

«Подражание этих житий слову, — скромно замечает Никитин, — подражание иногда совершенно рабское, доходящее до буквальных заимствований, представляет факт, не лишенный, как кажется, некоторого интереса в историко-литературном отношении»⁸³.

Определив степень подражания слову Григория Назианзина в житиях Георгия, Никифора и Тарасия, ученый пришел к выводу о том, что житие Георгия должно быть самым ранним из них, а житие Тарасия самым поздним. Этот вывод совпадал «с хронологией, установленной для этих трех произведений В. Г. Васильевским на основании данных совсем другого порядка»⁸⁴. Глубокое знание произведений классической греческой литературы дало возможность Никитину открыть в житии Никифора, принадлежащем перу диакона Игнатия, пиндаровские реминисценции⁸⁵.

Из области житийной литературы важна также небольшая статья «О житии Стефана Нового»⁸⁶, уже обстоятельно исследованного к тому времени Васильевским⁸⁷. Житие было написано менее чем через 50 лет после смерти святого (767 г.) по воспоминаниям лиц, близко его знавших, и изложено с большой затратой агиографической риторики, из-под которой часто «пробиваются показания, обладающие характером такой конкретности, какая вообще очень редко наблюдается в литературе житий»⁸⁸. Такого

⁸² *Васильевский В. Г.* Житие св. Георгия Амастридского // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1915. Т. III. С. 1, 2, 11, 13, 16–18, 20, 23, 24, 26, 29, 35, 37–41, 44, 46, 48, 55, 57, 58, 60, 62, 64, 65.

⁸³ *Никитин П. В.* О некоторых греческих текстах житий святых. С. 48.

⁸⁴ Там же. С. 49.

⁸⁵ Там же. С. 52, прим. 165: Pind. Ol. 2, 88. См. рецензию К. Крумбаха: *BZ.* 1896. Bd. V. S. 228–229.

⁸⁶ *Никитин П. В.* О житии Стефана Нового // Известия Имп. Академии наук. 1912. Сер. 6. № 18. С. 1099–1115.

⁸⁷ *Васильевский В. Г.* Житие Стефана Нового // ЖМНП. 1877. Ч. 191. С. 283–329 = Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1912. Т. II. С. 301–347.

⁸⁸ *Никитин П. В.* О житии Стефана Нового. С. 1100.

рода указания встречаются и в рассказах о самых ранних годах жизни святого. Никитин обратил внимание на одну конкретную подробность константинопольского быта в рассказе о годах обучения Стефана Нового, только этот намек не был правильно понят и истолкован Васильевским: из слов агиографа о школьных годах он сделал заключение, что его товарищем по обучению был какой-то всехвальный Тимофей — один из современников Стефана Нового, но Васильевский не мог его идентифицировать с каким-нибудь известным историческим лицом. Поэтому Никитин считал простительной попытку «поискать другого объяснения, принять для толкования в соображение не только простой, прямой смысл слов агиографа, но и смысл иносказательный, тот своего рода символизм, который и в словесном искусстве византийцев всегда был неизмеримо сильнее реализма»⁸⁹. По мнению Петра Васильевича, в имени Тимофея надо видеть не товарища по обучению Стефана Нового, а Тимофея, ученика апостола Павла: Стефан и Тимофей имели общего учителя в том смысле, что Стефан так же верно следовал наставлениям апостола Павла, как и Тимофей.

Вторая часть работы Никитина посвящена сопоставлению текстов жития Стефана Нового и жития Евфимия Палестинского, принадлежащего перу Кирилла Скифопольского (VI в.). Уже давно было замечено, что некоторые выражения и целые сентенции в первом заимствованы из второго, а Х. М. Лопарев указал два случая таких заимствований⁹⁰. Никитин дал их полный обзор, чтобы, по его словам, «иметь более ясное представление о размерах заимствований и о проявляющейся в них неумелой неуклюжей подражательности, чтобы видеть, как агиографы не только при скудости фактического материала, но и при вполне достаточном запасе сведений о предмете своих повествований склонны были пользоваться чужим литературным достоянием, готовыми словесными изображениями, некогда созданными для других предметов, для других лиц и событий»⁹¹.

В последние годы жизни Никитин обратился к изучению Патериков — сборников нравственно-поучительных изречений святых отцов, которые имеют значительную ценность и как источник для бытовой истории раннего монашества, и как яркое выражение идеалов монашества⁹². Идеи и

⁸⁹ Там же. С. 1102.

⁹⁰ Лопарев Х. М. Византийские жития святых VIII–IX веков // ВВ. 1911. Т. 17 (1910). С. 119 сл.

⁹¹ Никитин П. В. О житии Стефана Нового. С. 1111.

⁹² О переписке Никитина с немецким византинистом П. Томсенем о работе над Патериками см.: Иодко О. В. П. В. Никитин и его вклад в византинистику (по материалам С.-Петербургского филиала Архива РАН) // РН. С. 139, 166–167.

сюжеты Патериков имели, по выражению Никитина, «крепкую живучесть»⁹³ и, будучи рано переведены на разные восточные и западные языки, оказали большое влияние на формирование этических представлений христианских народов.

Интерес к этой теме появился у Никитина, когда по поручению Академии наук он курировал издание «Пчелы» (об этом подробнее речь пойдет во второй части работы). Первые результаты своих исследований он изложил в 1911 г. в статье «Иоанн Карпафийский и Патерики»⁹⁴. Источником этой работы послужило указание Дюканжа в его «Словаре среднегреческого языка» на Иоанна Карпафийского (вторая пол. VII в.) как на создателя одного из типов Патериков. Источником сведений для великого лексикографа послужила одна рукопись Парижской национальной библиотеки (Paris. gr. № 890). Чтобы проверить мнение Дюканжа, Никитин исследовал парижскую рукопись, которая, по ходатайству Академии наук, была выслана ему в Петербург, и дал подробное ее описание. Рукопись начинается известным по латинскому переводу сочинением Иоанна Карпафийского, но уже с 5-го листа одну из «глав» Иоанна разрывала вставка — фрагмент «Скитского» Патерика. Дюканж эту часть сказаний приписал Иоанну Карпафийскому и таким образом сделал его автором Патерика. Никитин доказал ошибочность этого вывода и объяснил, каким образом текст Патерика попал в рукопись. Патерики в средние века были самым распространенным чтением, и неудивительно, что многие из них, пообтрепавшись, теряли первые и последние листы. Чтобы скрыть этот недостаток, к рукописи нередко приплетали начальные и конечные листы из других рукописей, чем создавалась видимость цельности экземпляра.

Никитин восстановил первоначальный порядок листов в рукописи, которые, по его мнению, дважды подвергались перестановке, и пришел к выводу о том, что «при подлинном, первоначальном порядке листов рукописи в ней не было ничего подобного включению Патерика или какой бы то ни было его части в состав того или другого сочинения Иоанна Карпафийского; нумерация „Глав“ Иоанна не могла распространяться на какие-либо статьи Патерика; он не являлся ни продолжением „Глав“, ни хотя бы только приложением к ним: он стоял в самом начале рукописи, а они — в самом конце, отделяясь от Патерика всей совокупностью остальных его текстов»⁹⁵.

⁹³ Никитин П. В. Греческий «Скитский» Патерик и его древний латинский перевод // ВВ. 1916. Т. XXII (1915–1916). Вып. 1 и 2. С. 135.

⁹⁴ Никитин П. В. Иоанн Карпафийский и Патерики // Известия Имп. Академии наук. 1911. Сер. 6. № 8. С. 615–635.

⁹⁵ Там же. С. 636.

Другая небольшая статья, посвященная Патерикам, озаглавлена «К литературе так называемых «ἄγραφα»⁹⁶, т. е. речений, авторство которых не указано. В этой статье Никитин извлек из предисловия к Патерику, описанному в «Библиотеке» патриарха Фотия, два ἄγραφα, одно из которых (σειραῖς τῶν ἑαυτοῦ ἁμαρτιῶν ἕκαστος σφίγγεται: «Каждого душат оковы его грехов») в прологе было включено в число «апостольских» текстов, но на самом деле является цитатой из «Притч Соломоновых» (5.22b: LXX). Никитин объясняет это тем, что автор пролога воспринял этот текст не из самих «Притч», а из «Постановлений апостольских», где он цитируется без указания на ветхозаветный источник. Второе ἄγραφον (γίνεσθε δοκίμοι τραπέζῃται τὸ καλὸν καὶ τὸ κακὸν γινώσκοντες: «Станьте опытными мытарями, распознающими добро и зло») представляет собой вариант речения, хорошо известного уже раннехристианским авторам (например, Клименту Александрийскому, Оригену).

Последняя, опубликованная уже посмертно, в 1916 г., работа Никитина «Греческий „Скитский“ Патерик и его древний латинский перевод» содержит характеристику Патериков как литературных памятников и обзор их типов⁹⁷. «Трудно воздержаться от мысли, — пишет Никитин о влиянии Патериков на формирование русского самосознания, — что они заодно с другими произведениями аскетической литературы и совместно с историческими факторами совершенно иного порядка, действуя на создание русской народной психики, наложили на нее тот отпечаток аскетизма, который отличает нравственные воззрения не только русского народа, но и русской интеллигенции, хотя бы она и не отрицала прав плоти и хотя бы подвигом считала не отречение от мира, а служение ему для его пересоздания»⁹⁸.

Говоря о нравственной основе монашеской жизни, нашедшей отражение в Патериках, Никитин замечает, что в них иногда «как будто слышатся запреты и угрозы той свирепой аскетике, которой ненавистно все, чем жизнь сладка и красна. Злом объявляются самые скромные улады человеческого существования, самые невинные чувственные восприятия: чирканье воробья и шелест тростника представляются уже опасными развлечениями для мыслей того, кто ищет спасения в удалении от мира; восхваляется отшельница, которая, прожив шестьдесят лет над Нилом, ни

⁹⁶ Никитин П. В. К литературе так называемых «ἄγραφα» // Там же. 1913. Сер. 6. № 13. С. 779–782.

⁹⁷ Никитин П. В. Греческий «Скитский» Патерик и его древний латинский перевод. С. 127–171.

⁹⁸ Там же. С. 137.

разу не взглянула на его воды, не полюбовалась великолепием его разливов; боязнь согрешить словом побуждает избегать разговоров даже о Священном Писании. Послушание ставится выше не только постничества и нестяжательности, но и выше великой любви, и все потому, что те три добродетели приобретаются волей того, кто их приобретает, а послушание есть умерщвление своей воли, порабощение чужому приказу. Ставится в пример отец, который, приняв монашество, бросает по приказу настоятеля в горящую печь своего нежно любимого сына»⁹⁹.

Патерики как литературные памятники, по словам Никитина, «свободны от той шаблонности мыслей и выражений, которая делает такой пыткой чтение многих порождений назидательной, проповеднической и агиографической литературы византийцев. Формы изложения Патериков, будут ли то формы отдельных апофтегм, афоризмов, формы кратких диалогов или рассказов, чрезвычайно просты, а в изображении того, что само по себе однообразно, и однообразны, и однако их сжатость и сухость часто способны вызывать в уме внимательного читателя представления гораздо более живые и красочные и подействовать на его настроение гораздо сильнее, чем платоновские имитации Мефодиев патарских или напыщенно-патетические, отзывающиеся неврастеническим стилем греческих романов фразы Метафрастов. Язык Патериков сравнительно свободен от уз мертвенного византийского псевдоклассицизма и при случае не стесняется пользоваться словами, формами и оборотами живой речи»¹⁰⁰.

Никитин выделял три типа Патериков: алфавитный, где изречения и сказания, независимо от их тем, расположены в алфавитном порядке; алфавитно-систематический (тематический или «скитский»), где изречения и сказания распределены по главам; и беспорядочно-систематический геронтик, в котором сохраняются остатки распределения по главам, но

⁹⁹ Там же. С. 127–128. Этот пассаж, основанный на тщательном изучении Патериков, современный исследователь А. И. Сидоров с нетерпимостью, свойственной скорее неопиту, нежели беспристрастному исследователю, безапелляционно назвал «жалким пасквилем и бездарной карикатурой на иночество», оскверняющими светлые идеалы монашества, а самого Никитина объявил «либеральствующим православным», «никогда не подходившим к церковной ограде»: *Сидоров А. И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М.: Православный паломник, 1998. С. 250–251.* Вряд ли Петр Васильевич когда-нибудь забывал о том, что он был выходцем из духовной среды и что он вырос внутри той самой церковной ограды, внутри которой, вероятно, претендует находиться Сидоров, предполагая именно там найти благодатную почву для своих изысканий. Однако, как убеждает опыт занятий того же Никитина, поле подлинных научных исследований, свободных от конфессиональных и субъективных ограничений, может лежать и за пределами этой ограды.

¹⁰⁰ *Никитин П. В. Греческий «Скитский» Патерик и его древний латинский перевод. С. 130–131.*

отсутствует большинство именных статей. Рукописная традиция Патериков отличалась пестротой и неустойчивостью, ее нити неоднократно прекращивались и запутывались. Подспорьем в установлении греческого подлинника тематического Патерика Никитин считал исследование его древних переводов, и в своей работе он подробно рассмотрел латинский перевод тематического Патерика.

«Нельзя надеяться, — писал в своей статье Никитин, — установить хотя бы приблизительно подлинный первоначальный вид текста, пока не сделаны доступными все главные его изводы, т. е., в данном случае — пока не изданы все три типа Патериков. Без этого будут лишены убедительности всякие решения вопросов о взаимных отношениях и происхождении этих типов»¹⁰¹.

В 1910-е гг. Никитин взял на себя оказавшийся непосильным труд по подготовке издания текста алфавитно-систематического (тематического) Патерика. В двух годичных «Отчетах» Академии даны весьма краткие сведения об этой работе: в отчете Академии наук за 1909 г. сказано, что Петр Васильевич «приготовлял издание греческого Патерика, расположенного по главам», и в течение года им были «частью скопированы, частью сличены пять рукописей разных библиотек», а в отчете за 1910 г. отмечено, что он продолжил эту работу, исследовав шесть других рукописей¹⁰². В отчетах за последующие годы, к сожалению, нет никаких сведений о дальнейшем ходе работы над Патериками.

В архивном фонде Никитина сохранились подготовительные материалы к этой работе: 79 толстых тетрадей, содержащих копии важнейших рукописей Патериков и схемы их сличения. Рукой Петра Васильевича переписаны тексты двух Московских кодексов, Mosquensis 452 (344 Vladim.) XI в., Mosquensis 163 (345 Vladim.) XI в.¹⁰³ В 1913 г. он писал о своей работе вел. кн. Константину Константиновичу, находившемуся в это время на лечении в Египте: «Думать о Ниле и его окрестностях часто заставляет меня и мое ученое рукоделие: подготовка издания сказаний о египетских отшельниках. К сожалению, от этих дум оно не идет скорее. Материал, требующий к себе внимания, все более разрастается; отношения между разными вариантами одного и того же текста оказываются все более за-

¹⁰¹ Там же. С. 143.

¹⁰² Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1909 г. СПб., 1909. С. 25; Отчет о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1910 г. СПб., 1910. С. 25.

¹⁰³ Известия Имп. Академии наук. 1917. Сер. 6. № 4. С. 262–265.

путанными, а между тем являются все какие-нибудь новые помехи, заставляющие на много дней откладывать работу в сторону»¹⁰⁴. Никитину не суждено было завершить свою работу. После его смерти в 1916 г. Академией наук не было предпринято даже попыток продолжить эту работу¹⁰⁵.

Главный свой труд в области византиноведения Никитин выполнил в соавторстве с Васильевским. Соавторством это можно назвать лишь условно: незадолго до смерти Васильевский пригласил Никитина принять участие в задуманном им издании «Сказание о 42 Аморийских мучениках»; всю работу Никитин выполнил один, и тем не менее издание вышло в 1905 г. с именами двух авторов¹⁰⁶.

В своих работах как по классической филологии, так и по византистике, Никитин выступает как филолог-классик чистой воды: в этих смежных областях филологической науки он больше всего занимался детальной разработкой первоисточников, позволяющей делать некоторые широкие выводы, касающиеся, например, общей истории драматических состязаний, и критической работой над текстом, результатом которой было более полное его понимание. Никитин относился к той плеяде русских ученых, которые прошли строгую немецкую школу и не считали зазорным признаваться в том, что они «звезд с неба не хватают», потому что их на самом деле нельзя схватить: эти ученые не строили парящих в небе гипотез, а твердо стояли на почве тщательного и всестороннего анализа источников. Сам Никитин чрезвычайно скромно оценивал свое творчество¹⁰⁷: он причислял себя к рядовым работникам науки, по-видимому, по сравнению со

¹⁰⁴ ПФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Д. 36. Л. 12. Письмо П. В. Никитина Константину Константиновичу от 8.03.1913.

¹⁰⁵ Лишь в 1993 г. французский ученый Жан-Клод Ги, положивший несколько десятилетий на сличение рукописей и подготовку критического текста к печати, издал первые 9 глав систематического Патерика; см. *Les apophtegmes des pères. Collection systématique. Chapitres I-IX. Introduction, texte critique, traduction, et notes par J.-C. Guy.* Paris, Les éditions du Cerf, 1993 (SC 387).

¹⁰⁶ *Васильевский В. Г., Никитин П. В.* Сказание о 42 Аморийских мучениках и церковная служба им / Издали В. Г. Васильевский и П. В. Никитин // Записки Имп. Академии наук по ИФО. 1905. Сер. 8. Т. 7. № 2. Подробнее об этой и других работах, которые Никитин закончил после смерти своих товарищей, см. Часть 2, глава 1.

¹⁰⁷ В своем ответе А. И. Георгиевскому, назвавшему Никитина в числе ученых, составлявших гордость историко-филологических факультетов отечественных университетов, Никитин написал о себе: «Но, может быть, не бесполезно будет выслушать и это мнение именно по тому самому, что оно принадлежит человеку, который, как сам он сознает, по своим способностям ближе, чем те щедро одаренные природой деятели науки, стоит к тому среднему уровню, с которым всякое преподавание и всякие уставы преподавания должны сообразоваться». *Никитин П. В.* [Возражения на записку А. И. Георгиевского о нынешнем устройстве наших историко-филологических факультетов.] С. 25–26.

своими учителями Ричлем, Науком и Васильевским. Рядовым Никитина можно назвать лишь с той оговоркой, что он стоял в одном ряду с десятками таких немецких ученых, как А. Вильгельм, Ю. Липсиус и др., которые одновременно с ним занимались теми же сюжетами.

В России, где в то время историко-филологическая наука находилась на стадии формирования и только-только начинала завоевывать себе признание не в последнюю очередь благодаря трудам Никитина, его имя навсегда останется в первом ряду вместе с именами Люгебиля, Соколова, Помяловского, Ернштедта.